

Книга Бытия. Прочтение в XXI веке Эрнст Лукас

Контекст книги Бытия предполагает, что слово «день» понимается буквально, то есть как 24 астрономических часа¹. Кто, имея разум, подумает, что первый, второй и третий день, также вечер и утро были без солнца, луны и звезд, а первый день - даже и без неба? (...) Я думаю, никто не сомневается, что этот рассказ образно указывает на некоторые тайны через историю только мнимую, но не происходившую телесным образом².

Резюме

В работе обосновывается предположение о том, что начальные главы Книги Бытия представляют собой не естественнонаучный трактат, а написанный символическим языком богословский текст, главным адресатом которого была община Израиля. Прочитанные в этой перспективе, библейские фрагменты очень важны и сегодня. Книга Бытия не опровергает и не подтверждает данные современной науки, но дает базис для развития науки и технологии для пользы человечества и всего творения.

Расцвет модернизма, пришедший на XIX – начало XX века, вызвал к жизни два противоборствующих богословских течения, каждое из которых повлияло на последующие традиции толкования библейских текстов. Доминирующим оказался историко-критический подход, предполагавший «научное» прочтение, особое внимание при этом уделялось поиску источников, проблеме авторства и датировок. Одновременно из модернистской веры во всеилие науки выросло другое направление, сторонники которого предпочитали видеть в Священном Писании источник естественнонаучных знаний, что, в свою очередь, привело к расцвету американского креационизма в 1920-е годы. Ученые и инженеры, зачастую малосведущие в богословии, стали вычитывать из Библии научные сведения о возрасте Земли, происхождении и многообразии биологических видов и т.п., другими словами, трактовать ее иначе, нежели принято в магистральной линии богословствования. Это привело, в частности к тому, что в наши дни примерно половина христианского населения США, мирового лидера в науке и технологии, по-прежнему держится за модернистские по существу трактовки Книги Бытия, и такого рода упорство неизбежно приводит к конфликтам между религиозным и научным сообществами. Особенно комично, что креационистские взгляды на первую книгу Писания вполне серьезно обсуждают даже некоторые антирелигиозно настроенные исследователи.

В данной работе нам бы хотелось на примере экзегезы Быт 1-11 показать, что обе стороны этих бесплодных споров основывают свои позиции на неправильном обращении с еврейскими повествованиями, без учета многовековой традиции истолкования, берущей свое начало от Августина и ранних отцов.

Быт 1-11. Краткий обзор текста

Интересующие нас главы представляют собой пролог к Священному Писанию и в сжатом виде содержат все основные

Об авторе

Д-р Эдвард Лукас – пастор, проректор и преподаватель библеистики в Бристольском баптистском колледже (Бристольский университет, Великобритания). В предыдущие годы занимался биохимическими исследованиями в Оксфорде, а также в Университете Северной Каролины (США). Изучал богословие в Оксфорде, защитил докторскую диссертацию по востоковедению в Университете Ливерпуля.

Одна из его недавних работ – монография *Can We Believe Genesis Today?* (IVP, 2005).

библейские темы и сюжеты. Однако мало кто из исследователей замечал, что все они выстраиваются в определенную сюжетную линию, которую можно бы описать как «умножение греха – умножение милости». Умножение греха начинается с проступка Адама и Евы. Мир охватывает насилие. Сперва словесное – Адам винит Еву, затем физическое – Каин убивает Авеля, Ламех – мужа, который был «в язву» ему, и в конце концов «земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями» (Быт 6:11). Тот самый соблазн преступить черту, разделяющую человека и Бога, поддавшись которому Адам и Ева вкусили запретный плод, теперь влечет «дочерей человеческих» к «сынам Божиим» (Быт 6:1-4) и побуждает людей строить «башню до небес». Бог останавливает грех наказанием: прародители изгнаны из рая, от Каина отвратилась земля, мироздание очищается потопом, строители Вавилонской башни рассеяны

1 MacIntosh A. *Genesis for Today*, Epsom: Day One (2001), p. 38.

2 Ориген *О началах* (Кн. 4, гл. 3). М.: Амфора, 2007.

по миру, а их языки смешаны. Однако на каждое греховное деяние Бог отвечает не только карой, но и милостью: прародителям Он «сделал одежды кожаные» и одел их, «знамение» защищает Каина от смерти, воды потопа покрыли весь мир, но спасен Ной со своим семейством и животные, «от каждой плоти по паре».

И все же, какой милостью уравнивается разрушение Вавилонской башни? Казалось бы, в данном случае Бог ограничивается карой, но отсутствие видимых «знаков» в тексте как раз-то и указывает на «прологовый» характер первых одиннадцати глав. Они не самодостаточны, но вводят в нечто большее. Родословие Сима (Быт 11:10-32) служит мостом между сюжетом о Вавилонской башне и призванием Авраама, цепь милости не прерывается. Обетование, как дается оно в Быт 12:1-3, обнаруживает определенный параллелизм с благословением Авраама:

Быт 1:26-28

плодитесь
и размножайтесь...
наполняйте землю...

сотворил Бог человека
по образу Своему

Быт 12:1-3

Я произведу от тебя великий
народ...

пойди в землю, которую Я
укажу тебе;

и благословлю тебя, и возвеличу
имя твое

На первый взгляд, кажется, будто благословение относится к одному человеку и его потомкам, однако в контексте обетования становится очевидно, что оно обращено «ко всем людям земли». Начинаясь с призвания Авраама сквозной сюжет, в котором постепенно разворачивается Божий замысел о спасении, может быть верно прочитан только сквозь призму первых одиннадцати глав Книги Бытия.

Быт 1-11 Толкование

Как только к интересующим нас фрагментам начинают апеллировать в спорах о «науке и Писании», обычно забывают об их богословском смысле. Здесь атеистически настроенные ученые и их оппоненты – христианские фундаменталисты – сходятся: и те, и другие склонны прочитывать Быт 1:11 как научный текст, соотносимый с научными идеями XXI века. При этом упускаются из виду некоторые свойства, с какими стоит считаться, коль скоро мы имеем дело со словесностью. Эти особенности можно описать в виде вопросов:

- каков язык повествования?
- каков жанр повествования?
- к кому оно обращено?
- какова цель текста?
- какова осведомленность автора за пределами его повествования?

Притом, что подобные вопросы имеет смысл ставить при анализе любого текста, особенно уместны они применительно к Библии, так как связаны с библейским понятием Бога. Первые три относятся к тому факту, что Бог Библии – это Бог, воплотившийся в Иисусе из Назарета. Христиане утверждают, что Бог явил Себя наиболее полно в конкретном человеке, жившем в конкретное время в конкретной культуре. Запечатленный в иудейской Библии способ самооткровения Бога достигает кульминации, когда Божье Слово приходит к нам облаченное в слова конкретного народа, пользуясь конкретными языками и конкретными литературными формами, укорененными в

истории и культуре конкретной нации. Поэтому обо всем, что мы читаем в Библии, должны быть заданы первые три вопроса.

Одна из трудностей современного прочтения библейских текстов состоит в том, что мы неверно подходим к их языку, полагая, будто он ничем не отличается от привычного нам.

Что же касается четвертого вопроса, многие современные литературоведы с ним не согласились бы, поскольку они убеждены в принципиальной непознаваемости «авторской интенции». Однако мне гораздо ближе позиция тех исследователей, которые считают, что ставить такой вопрос тем не менее стоит, поскольку отчасти авторский замысел проступает сквозь жанровую форму, особенности повествовательного языка и структуры текста³.

Бог Библии – это Бог как творения, так и откровения. Более того, люди созданы по образу и подобию Бога, и поэтому они способны постигать истину, обнаруживаемую в тварном миропорядке. Это убеждение, из которого в конце средневековья зародилась современная наука⁴, склоняет предположить, что естественнонаучное познание каким-то образом должно соотноситься с тем, что мы знаем о сотворенном мире из Библии. И здесь самое время прислушаться к замечанию Дональда МакКея, сделанному в связи со спорами о пользе естественных наук для библейской экзегезы⁵:

Бесспорно, в Писании есть немало фрагментов, буквальный смысл которых проясняют или углубляют археологические открытия, данные истории и естественных наук. И все же, на мой взгляд, главная задача научных исследований применительно к библейскому тексту состоит не в том, чтобы прояснить или дополнить богодухновенное слово, но удержать от недолжного истолкования его. Образно говоря, дарованное Богом научное знание о мире не подтверждает истинности библейской картины, а скорее, предупреждает, когда мы подходим слишком близко, рассматриваем ее под неверным углом или предъявляем к ней ложные ожидания, чтобы, остановившись, мы могли разглядеть ее священный смысл.

К чему приводит непонимание этого обстоятельства, видно, например, из истории Католической церкви, осудившей в XVII веке «гелиоцентрическую ересь» Коперника вместо того, чтобы критически пересмотреть традиционное толкование, как минимум, двух библейских стихов:

«...облечен Господь могуществом [и] препоясан: потому вселенная тверда, не подвигнется» (Пс 92:1).

«Господь царствует! потому тверда вселенная, не поколеблется» (Пс 95:10).

3 Lukas, E.C. 'A statue, a fiery furnace and dismal swamp: a reflection on some issues in biblical hermeneutics', *Evangelical Quarterly*, (2005), 77 (4), 291-307.

4 Lukas, E.C. 'A Biblical Basis for the Scientific Enterprise' in Alexander, D.R.' (ed.) *Can we be sure about anything?* Leicester: IVP (2005), pp. 49-68.

5 MacKay, D.M. *The Open Mind*, Leicester: IVP (1988), pp. 151-152.

Язык повествования

Одна из трудностей современного прочтения библейских текстов состоит в том, что мы неверно подходим к их языку, полагая, будто он ничем не отличается от привычного нам. Как верно заметил Ван Тилл⁶:

Западная культура двадцать первого века, по-видимому, неспособна воспринимать образный или символический язык, а тем более – говорить на нем. Мы так свыклись с однозначным, плоскостным, описательным повествованием, что убеждены: иначе и писать нельзя (...) научный язык явно и незаконно владел над художественной словесностью.

Раннехристианские экзегеты подобных предубеждений не имели. Быт 1-11 они воспринимали как образное повествование, ключ к которому надо искать в нем самом. «Возможно, надобно понимать, что Священное Писание, обращаясь к людям ограниченного разума, говорит с ними на неизбежно ограниченном человеческом языке»,⁷ – писал в начале V века бл. Августин. И далее, в связи с Книгой Бытия, он уточняет: «Ведомый Духом писатель говорит так, чтобы это было понятно и малым детям»⁸. Жан Кальвин развивает эту мысль – Бог, полагает он, «приспосабливает» свое слово к пониманию тех, к кому обращается». Так, в комментарии на Быт 1:6-8 Кальвин пишет:

Ибо, по моему мнению, речь здесь идет ни о чем ином, но только о видимых вещах мира. Кто желает узнать об астрономии и прочих многомудрых науках, пусть ищет в других местах. Здесь же Дух Святой наставляет всех, без исключения, людей, и потому (...) история сотворения (...) – это книга для неграмотных⁹.

Кальвин понимал: Библия говорит на языке «непосредственного впечатления», поэтому слова «создал Бог два светила великие» (Быт 1:16) его не смущали. Он признавал, что если понимать их буквально, то с научной точки зрения они неверны, поскольку астрономия к тому времени уже знала – Сатурн больше Луны. С точки зрения современной науки они еще бессмысленней, так как означают, что Луна тоже обладает собственным свечением, тогда как она всего лишь отражает свет и, если стремиться к научной строгости, следовало бы сказать, что Бог создал огромное светило и его отражатель!

Жанр повествования

Ответ на вопрос о жанре повествования также «прочитывается» только изнутри самого текста. Как видно из цитаты, приведенной в эпиграфе, уже Ориген, живший в начале III века, прекрасно понимал, что первые три главы книги Бытия – это иносказание. В последующие столетия многие экзегеты называли Быт 1:1-2:4 развернутой «фигурой речи», в которой Бог предстает «ремесленником» или «мастером», выполняющим скрупулезно распisanную по дням работу. В начале творения земля «безвидна и пуста»*. Первые три дня Бог при-

дает ей форму тем, что «отделяет», то есть создает пустые пространства, а вторые три дня Он эти пространства заполняет. Таким образом, события четвертого дня соотношены с первым днем, события пятого обращены ко второму, а в шестой Бог населяет пространства, созданные в день третий. В конце каждого дня Он «осматривает» свою работу и признает, что она «хороша», в шестой день видит, что все созданное «хорошо весьма», в седьмой – отдыхает. Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело не с историческим и, тем более, не с естественнонаучным сочинением, в котором стоило бы искать ответы на вопросы современной науки. Перед нами – богословская картина мира, основные элементы которой можно представить в следующем виде:

- есть только один Творец, и в Нем – начало всего сущего;
- мироздание – плод осмысленного и целенаправленного творческого акта;
- весь сотворенный материальный мир «хорош весьма»;
- человеку принадлежит особая роль в тварном мире – порядке, что подтверждается данным ему повелением (ст. 26), троекратным повтором глагола «сотворить» в ст. 27, а также указанием на то, что человек создан «по образу Божию»;
- человек призван ответственно хранить и возделывать вверенный ему мир;
- благословение и освящение седьмого дня указывает на то, что человек призван прославлять Бога.

Людам велено «обладать» творением и «владычествовать» над ним именно потому, что они сотворены по образу Божьему.

Некоторые особо рьяные защитники окружающей среды опасаются, что, дескать, повеления «обладать» и «владычествовать» (Быт 1:28) провоцируют человека на жестокое, алчное отношение к природе. Однако любая более или менее здравая экзегеза первой главы Книги Бытия эти подозрения опровергает. Общее правило семантики говорит, что значение слова определяется его контекстом. Сами по себе древнееврейские глаголы со значением «обладать» и «владычествовать» семантически нейтральны, возможные отрицательные коннотации у них всегда контекстуально обусловлены. Однако контекст Быт 1 к подобной трактовке не располагает, этот фрагмент говорит совсем о другом. Людам велено «обладать» творением и «владычествовать» над ним именно потому, что они сотворены по образу Божьему. Это означает, что в отношении к миру они призваны уподобиться Богу, то есть действовать мудро, бережно и справедливо. Более того, «владычествовать» человек вправе лишь как соратник, которому предстоит ответить за то, как он распоряжался властью. Иными словами, ему надо не только помнить о том, что творение «хорошо весьма» (ст. 31), но делать все, чтобы беречь и умножать, а не разорять вверенное ему «благ».

Этот принцип лежит в основе так называемого «экологического богословия», но, как видно из комментария Кальвина¹⁰, сама идея не нова и отчетливо прочитывается в библейском тексте:

6 Van Till, H.J. *The Fourth Day*, Grand Rapids: Eerdmans (1986), p. 11.

7 St. Augustine *De Genesi ad litteram*, 1.14.28. English translation by Taylor, J.h. *St Augustine: The Literal Meaning of Genesis*, New York: Newman Press (1982).

8 Ibid., 2.6.13.

9 Calvin J.A. *A Commentary on Genesis*, King J. (trans.), London: Banner of Truth (1967).

* В английском переводе *New Revised Standard Version* (NRSV), на который ссылается автор, она – *shapeless*, то есть, «бесформенная». – *Прим. пер.*

10 Calvin, *op.cit.* [9], примечательно, что этот комментарий на Быт 2:15 был написан около 450 лет назад.

Земля дана человеку с тем условием, что он должен возделывать ее (...) Адаму вверено попечение о саде, дабы показать, что блага, которыми мы владеем, дал нам Бог, чтобы умеренно и скромно пользуясь ими, мы заботились о том, что останется (...) Пусть каждый человек считает себя управителем, которого поставил Бог над вверенным ему имением, и тогда он не станет обходиться с ним беспутно, не будет по своему неразумию уничижать то, что Бог заповедал беречь.

Адресат повествования

Книга Бытия создавалась для иудеев, поклонявшихся Богу Израилеву. В ее датировке ученые расходятся, однако для нас точная дата неважна, поскольку, как я попытаюсь далее показать, здесь отразились космологические представления, характерные для всех древних ближневосточных культур, и по существу, в период между исходом и Вавилонским пленением они не изменились¹¹.

Если мы знаем, кому был адресован текст, стоило бы попытаться прочитать его «изнутри» той культуры, в которой он слагался. Насколько при этом меняется понимание, можно увидеть на примере трактовок генеалогий. Креационисты, отстаивающие идею «юного возраста земли», толкуют приведенные в этом фрагменте указания на возраст буквально и, таким образом, убеждены, что земля зародилась всего лишь несколько тысяч лет назад. Но как прочитывал эти числа непосредственный адресат библейского текста? Библейская нумерология строится вокруг сакральных чисел (когда речь идет о возрасте патриархов, это – 5, 7 и 14), и у нас есть все основания утверждать, что ветхозаветное летоисчисление имеет символический характер, хотя сейчас мы это не всегда понимаем.

Существует поразительная параллель к первым одиннадцати главам Книги Бытия, которая обнаруживается в «царском списке» древнего Шумера¹² – культуры, существовавшей на юго-востоке Междуречья между 3000-2300 гг. до Р.Х.

Шумерский царский список: Быт 1-11:

Создание царства	Сотворение людей
8 или 10 царей со сроками правления от 43000 до 18600 лет	10 патриархов со сроками жизни от 969 до 365 лет
Потоп	Потоп
Царей становится больше, срок правления – от 1500 до 100 лет	Патриархов становится больше, срок жизни – от 600 до 110 лет

Общее сходство моделей здесь несомненно. Об одном из шумерских царей, Эн-Мебаргеси, сказано, что он правил около 900 лет. Согласно другим источникам, это была реальная историческая личность, правление которой охватывало срок, не превышающий продолжительность человеческой жизни¹³. Совершенно очевидно, что 900 лет – символическое число, и нет смысла трактовать его буквально. Столь же очевидно, что сокращение времени царствования (жизненных сроков) свидетельствует не об исторических или биологических процессах, но символически указывает на нравственный и духовный упадок человечества. Так, на-

пример, в Книге Бытия «оскудение» лет человеческой жизни напрямую связано с тем, что в мире «распространяется грех».

Цель текста

По мере того, как появлялись новые сведения об архаических религиях Ближнего Востока, библеисты все более склонялись к тому, чтобы рассматривать первую главу Книги Бытия как богословский текст, полемически направленный против языческих представлений о начале мира, свойственных народам, среди которых жили древние евреи¹⁴.

Подтверждением тому для современного читателя, знающего о том, что соседями евреев были язычники, поклонявшиеся «многим богам», может служить подчеркнутый монотеизм сюжета о сотворении. Практически во всех древних ближневосточных мифологиях мир начинается с «теогонии», т.е. рассказа о происхождении богов, один из которых, используя некую «предсуществующую» материю, затем создает мироздание. В ветхозаветном сюжете с самого начала совершенно очевидно, что есть только один Бог, Создатель всего сущего. Перед нами космогония, в которой бытие Бога – изначальная, несомненная данность.

Другие примеры не столь очевидны для человека, не очень хорошо представляющего себе, как понимался мир в древних ближневосточных культурах. Почему Солнце и Луна названы в Книге Бытия просто «светилами»? Внимательный читатель здесь должен задуматься, поскольку в древнееврейском языке есть обычные распространенные слова для Солнца и Луны. Ответ состоит в том, что в семитских языках слова «солнце» и «луна» также являются именами богов. Ближайшие соседи древних иудеев поклонялись небесным телам. Для ветхозаветного народа это был слишком сильный соблазн¹⁵, и против него опосредованно направлен фрагмент Быт 1:14-19, напоминающий о том, что небесные тела – это всего лишь «светила» (что-то вроде огромных масляных ламп), созданные, как и весь мир, Богом Израилевым. Не люди должны служить им как «богам», но, напротив, светила служат людям, когда дают им свет и отделяют день от ночи. Таким образом, идеи, на которых держится современная астрология (не путать с астрономией) были развенчаны иудейскими богословами более 2500 лет назад!

Не менее примечательно то, как используется в интересующем нас сюжете древнееврейский глагол *bārā* («творить»). В Ветхом Завете этот глагол в активной форме присутствует только в трех фрагментах из Книги Бытия, там, где особенно важно подчеркнуть творческое вмешательство Бога, тогда как в других стихах применительно к Божьим деяниям употребляется тот же глагол «делать», которым описывается и человеческий труд. Впервые *bārā* встречается в начальном стихе Быт 1. Это понятно – текст возвещает о том, что мир сотворен Богом. Столь же объяснимо троекратное повторение этого глагола в связи с последним актом творения, сотворением человека (ст. 27). Но почему он появляется в стихе 21, где речь идет о «чудищах морских»? Единственное убедительное объяснение – это значимость морских чудищ

11 Dalley, S. *Myths from Mesopotamia*. Oxford: OUP (1991), pp.228-230.

12 Jacobsen, T. *The Sumerian King List*, Chicago: University of Chicago Press (1939).

13 Kitchen, K.A. *Ancient Orient and Old Testament*, London: Tyndale Press (1966), p. 40.

14 См., например, Hasel, G. 'The Polemic Nature of the Genesis Cosmology', *Evangelical Quarterly*, (1974) 46, 81-102.

15 Здесь стоит вспомнить о решительном запрете поклоняться солнцу, луне, звездам «и всему воинству небесному». Ср., например, Втор 4:19; 17:3 и далее.

* Современный русский перевод. – Прим. ред.

в основном месопотамском мифе творения¹⁶, где творящий бог сперва вступает в битву с силами хаоса, представленными в виде морских чудовищ в бешеных водах, и, только поборов их, создает небо и землю¹⁷. В скрытой полемике с этим мифом Книга Бытия намеренно подчеркивает, что Бог Израилев не побеждает морских чудовищ, а творит их!

В месопотамском мифе о происхождении людей, повествующем о том, как бог вылепил первого человека из глины, смешанной со своей кровью, можно усмотреть некоторое сходство с библейским сюжетом о сотворении человека «из праха земного». Однако в первом случае люди – лишь рабы, созданные для того, чтобы служить богам, строить для них дома (храмы), кормить и поить их, то есть приносить жертвы, тогда как в Быт 1 многообразно подчеркивается исключительная роль человека в сотворенном мире. Бог «вдунул в лице его дыхание жизни», то есть он причастен жизни Божьей, он не раб, а свободный соратник Бога, призванный заботиться о мироздании. Мы не можем подробно исследовать здесь, что значит «сотворен по образу и подобию Божьему». Есть основания предполагать, что, отчасти, эти слова послужили богословским основанием современной западной концепции прав человека¹⁸. Очевидно то, что, потеряв эту богословскую основу представлений о человеческих уникальности и достоинстве, философы теперь борются за то, чтобы отстоять эту концепцию от попытки расширить ее, включив сюда «права приматов» или даже просто «права всех чувствующих существ»¹⁹.

Важный вопрос в месопотамской религии – почему человек обделен мудростью и бессмертием (это перекликается с образами Быт 3 – деревом познания и деревом жизни). Герой эпоса о Гильгамеше²⁰ отправляется на поиск бессмертия. Он находит цветок вечной молодости, собирается принести его домой, но змий крадет чудесное растение (еще одна переключка с Быт 3). Однако при внешней схожести с третьей главой Книги Бытия сюжет о Гильгамеше начисто лишен нравственного измерения. В библейском фрагменте люди, движимые гордыней, желанием «быть, как боги», восстанут против Творца и, в конечном счете, становятся пленниками смерти. *Человек* сам, по своей воле, поддастся греху, и потому он смертен, но речь идет не только о физическом распаде. Прародители, съев плод, телесно не умирают, хотя им было сказано: «не ешьте (...) и не прикасайтесь (...), чтобы вам не умереть». Происходит иное – утрачивается их связь с Богом, они отпадают от источника жизни, их наказанием становится «духовная смерть». Таким образом, вторая и третья главы Книги Бытия – это символическое повествование, полемически обыгрывающее некоторые мотивы древних ближневосточных мифологий, и было бы нелепо вычитывать из них естественнонаучные представления об антропогенезе, тем

более что «сотворенный по образу Божию» – главная характеристика человека – указывает на его духовные свойства²¹, тогда как естественные науки определяют *Homo sapiens* по совокупности биологических признаков.

Наконец, обнаруживается поразительное сходство между библейским сюжетом и шумерским преданием о потопе²². В обоих текстах идет речь о некоем природном катаклизме, охватившем древний Ближний Восток, хотя и не изменившем, как, основываясь на библейской топографии Эдема, считал Кальвин²³, существенно его ландшафт. Мотив «вселенского» потопа возникает, главным образом, из-за того, что употребленное здесь древнееврейское *'erets*, может пониматься двояко – и как планета в целом, и как «земля» в значении географического региона, а переводчики выбрали первый вариант. Опять же, при всех внешних совпадениях нельзя не заметить того, что шумерский миф лишен какого бы то ни было этического смысла – верховное божество обрушивает воды на землю только потому, что расплодившиеся на ней шумные люди мешают ему спать! В библейском сюжете потоп приходит как суд над человеческой греховностью, свидетельствующий о том, насколько серьезно Бог воспринимает грех и почему человек нуждается в спасении.

Заключение

Если читать Быт 1-11 как богословский текст, а не «выискивать» в нем естественнонаучные данные, то становится очевидно, что в начале XXI века заданные в нем «вечные» вопросы о смысле и цели человеческой жизни, звучат не менее взыскательно, чем звучали они для древних евреев и многих последующих поколений иудеев и христиан. Весть, которую данный текст несет двадцать первому столетию, включает следующие пункты:

- Есть только один Бог, Творец всего сущего, и только Ему подобает служить. Это обесмысливает астрологические пророчества Нью Эйджа, поклонение Матери-Земле и тому подобное.
- На Земле только человек сотворен по образу Божьему. Это – базис для «прав человека».
- Человек как представитель Бога на Земле должен заботиться об остальном творении, хранить и умножать доверенное ему «благо», а не злоупотреблять им.
- То, что мы живем в осмысленном и упорядоченном мироздании и созданы по образу Бога, дает основание для научных исследований.
- Человек пал и его греховностью искажено изначально благое творение, поэтому мы нуждаемся в спасении, пришедшем во Христе, долгожданном «семени Евы»²⁴.

16 Heidel, A. *The Babilonian Genesis*. Chicago: University of Chicago Press (1969).

17 На основании Иов 9:13-14; 26:12-13, Пс 88:9-12, а также Ис 27:1; 51:9-10, можно предположить, что это был расхожий сюжет, в той или иной форме знакомый ветхозаветным поэтам, и они полемически использовали его образность, чтобы свидетельствовать о Боге Израилеве как Творце мироздания.

18 Stassen, G. 'Human Rights and Helsinki Accords Are Our Baptist Heritage' in Pipkin, H.W. (ed.) *Seek Peace and Pursue It*, Rüsclikon: Institute for Baptist and Anabaptist Studies (1989), pp. 103-113.

19 Обсуждение взглядов Питера Зингера см. в: Alexander D, *Rebuilding the Matrix*, Oxford: Lion (2001), pp. 462-472.

20 Heidel, A. *The Gilgamesh Epic and Old Testament Parallels*, Chicago: University of Chicago Press (1970).

21 «Бог есть Дух» (Ин 4:24).

22 Heidel, *op.cit.* [21], pp. 224-269.

23 Calvin, *op.cit.* [9], комментарий на Быт 2:10-14.

24 Быт 3:15.

Фарадеевские доклады

Фарадеевские доклады публикуются Фарадеевским институтом по науке и религии (St Edmund's College, Cambridge, CB3 0BN, UK), благотворительной учебно-исследовательской организацией (www.faraday-institute.org). Этот доклад был переведен с английского Светланой Панич под редакцией Андрея Лукьянова и Алексея Бодрова. Мнения, выраженные в докладах, принадлежат авторам и не обязательно представляют взгляды института. В фарадеевских докладах рассматривается широкий спектр тем, связанных с взаимодействием науки и религии. Полный список фарадеевских докладов можно найти на сайте www.faraday-institute.org, где их можно бесплатно скачать в формате pdf.

Дата публикации: март 2011. © The Faraday Institute for Science and Religion.